Самым удивительным было то, что публика, казалось, больше интересовалась Самантой и Ван Бэнем, чем Ван Дуном.

Ван Бэнь всегда был в центре внимания общественности. Его недавнее восхождение на 6-ой уровень придало ему достаточно влияния, чтобы произвести впечатление даже на военных. Его успех сделал честь и его отцу, генералу Ху Бэню. Никто не винил сына генерала в поражении, поскольку все понимали, что неудача была всего лишь частью жизни бойца.

ПП: не очень понятно, почему 6-ой, если по идее должен быть пятый… возможно, опечатка

Было общепризнанно, что хотя боец и мог улучшить свою тактику и техники с течением времени, все-таки для каждого была установлена некая общая сила энергии души. Военные эксперты были впечатлены энергией Ван Бэня. После тщательного просмотра съемки последнего боя некоторые из них даже пришли к выводу, что энергия души Ван Бэня была выше, чем у его отца в молодые годы.

Помимо изучения кадров боя Ван Бэня, эксперты также очень интересовались уникальным боевым стилем Карла. Хотя они обсуждали превосходство двух боевых стилей, все сошлись во мнении, что прежняя слава Эйрланга была полностью восстановлена.

Ван Дун не беспокоился о том, что ему не уделяется должного внимания; сейчас он мог думать только об одном: о его свидании с Самантой. Он проснулся рано утром вскоре после того, как золотое пятно света прекратило кружиться в его теле. Он уже почти полностью пришёл в себя и сейчас подумал, что может провести ещё несколько кругов тактики для восстановления сил. Но золотое сияние исчезло.

Медсестры вывезли Ван Дуна из палаты, и сообщили Саманте о его выздоровлении.

– Фу… Что это за запах?

– Он обкакался?

– Да, судя по запаху.

– Фу, давайте быстрее! Приберитесь! Мерзость!

– Нужно дезинфицировать! Полная очистка!

Ван Дун не чувствовал ужасного зловония, исходящего от своего тела, пока его не начали отмывать. Несколько минут спустя он почувствовал себя новорожденным младенцем, вымытым сверху донизу.

Затем он понял, что тот золотой свет провел полную реконструкцию его внутренних систем. Это был второй раз, после жизни на Нортоне, когда он испытал это и почувствовал смрад.

Пока медсестры продолжали работать, Ван Дун искал в глубине себя то золотое сияние, но это было тщетно. Он изо всех сил пытался думать о чем-либо, что помогло бы попасть в море сознания, когда ему пришла в голову дикая догадка: свечение могло быть духом Воина Клинка. Он почувствовал, что жизнь Ван Дуна висела на волоске и пришёл на помощь его преемнику.

Решив, что его теория была притянута за уши, Ван Дун отбросил ее и погрузился в наслаждение пенной ванной. Ему нравился аромат мыла, и он подумал, что, когда никто не будет смотреть, он захватит для себя одно на будущее.

Новая радость ожидала его, когда медсестры дали ему новую одежду.

– Халявная новая рубашка! Офигенно! – подумал он.

Ван Дун поглядел на себя в зеркало, одергивая новую рубашку на теле. Раны все еще ныли, когда он делал это, но было вполне терпимо.

Собравшись, он открыл дверь, и первое, что попалось ему на глаза, это великолепная фигура Саманты, ожидающей его. Ван Дун тут же направился к девушке и обнял ее. Она не успела проронить ни слова, как Ван Дун прижал палец к ее губам и сказал:

– Тсссс… Снаружи есть люди.

Саманта взглянула на проход, но никого не услышала. У этого маленького негодяя слух был развит на совершенно другом уровне.

Но зову тела сложно противиться, и Ван Дун, не в силах сдерживать влечение, крепко поцеловал Саманту. Она не сопротивлялась. Он слишком долго был взаперти и уже почти забыл, насколько сладки поцелуи его возлюбленной.

Они надолго пропали в лаборатории, возрождая огонь страсти. Закончив и выйдя из кабинета, они с облегчением обнаружили, что их отсутствие, похоже, не вызвало никаких вопросов. Все студенты уже уехали несколько дней назад, и только одна Саманта оставалась здесь. После того, как доктор сообщил ей, что Ван Дун очнется через несколько дней, она решила остаться ждать его восстановления и отозвать все интервью. Она приняла такое решение не только потому, что хотела оставаться с Ван Дуном в сложную минуту, но также потому, что она никогда не считала подобную пропаганду полезной. Она считала, что только разговоры, подкрепленные делом, обеспечат Эйрлангу будущее.

– И какими «делами» мы займемся сегодня? – Ван Дун бросил на Саманту завлекающий взгляд.

– Не ТАКИМИ делами.

Они пошли вместе, и Ван Дун вскоре ощутил жгучее желание снова поцеловать Саманту, и убедившись, что никого нет рядом, он сорвал поцелуй с её мягких и пухлых губ.

Саманта не ожидала этого, и ее небольшое сопротивление было бесполезным. Она чувствовала легкое угрызение совести за эти отношения, но понимала, что уже было слишком поздно. Ее психологическое и физическое сопротивление под настойчивостью Ван Дуна было действительно достойно уважения.

Поцелуй ознаменовал начало их первого настоящего свидания. Вместе с Ван Дуном они опробовали почти все подростковые забавы: аркадные автоматы, баскетбол. Саманта быстро втянулась во все игры, она обнаружила, что играть с живым человеком гораздо веселее, чем с роботами, как когда-то в детстве.

Саманта не смогла бы вспомнить, сколько раз она смеялась за сегодня. Каждый день в Кайпу она считала однообразным и скучным. Но их смех смог превратить эту старую и унылую школу в красочный и веселый карнавал.

После обеда они приехали в отель, который Саманта забронировала заранее. Ей казалось некомфортным, если не сказать неуместным, оставаться в Кайпу на время празднования после матча.

Ван Дун прыгнул на большую кровать и развалился на ней.

– Убери свой грязный зад с моей кровати. Твоя в другой комнате.

– Ау, моя рана… похоже я не могу шевелиться… – поморщился Ван Дун. Это прозвучало малоубедительно, но к счастью для него, ослепленная любовью Саманта купилась на это.

– Не двигайся, дай мне посмотреть.

Едва приблизившись к Ван Дуну, она оказалась в его жарких объятьях. Внезапно в комнате стало так тихо, будто они прислушивались к беспокойному дыханию друг друга.

Саманта читала желание в глазах возлюбленного, она расслабилась и опустила голову на грудь Ван Дуна. Он понял сигнал и стал медленно расстегивать одежду Саманты, плавно снимая ее, как пенку с молока, обнажая нежную, белую кожу. Возбуждение разлилось по его телу, когда он увидел впечатляющие груди, спрятанные от глаз под замысловатым бюстгальтером.

Ван Дун одной рукой нежно ласкал ее грудь через белье; он чувствовал, какая она мягкая и приятная, и ощущал ладонью на верхушке грудей что-то маленькое, но твердое и напряженное. Другой рукой он нащупал замочек на лифчике, который хранил последний секрет этой ночи. По неопытности и в спешке, он сломал застежку. От его нескрываемого желания у Саманты по коже побежали мурашки.

Она выключила свет, и в темноте они предались своей любви.

Ван Дун проснулся, обнимая Саманту; он осознал, что теперь он мужчина.

Саманта прижалась к нему. Она уже проспала свое обычное время пробуждения, но ей было так хорошо в руках Ван Дуна, что ей хотелось остаться в постели подольше.

Он провел рукой по ее шелковистой коже, и в нем вновь вспыхнуло пламя.

– Хочешь повторить?

Это было скорее утверждение, чем вопрос.

– Нет, просто хочу лежать вместе, как сейчас.

– Ну давай еще разок. Тебе понравится, я обещаю.

– Только если пообещаешь, что будешь нежнее.

Даже Ван Дуна удивило, как быстро она согласилась. До полудня они не вылезали из постели, отдаваясь желаниям своих тел.

Когда Саманта подняла одеяло, они увидели красную лужицу на простыне.

– Чего ты пялишься! Это твоя вина! – закричала Саманта. Ее детский тон удивил её саму. Вкус запретного плода превратил ее в девочку-подростка.

Ее испугали эти изменения, поскольку будущее Эйрланга было тяжелой ношей на ее плечах. Но она была полна решимости приспособиться к двум совершенно разным ролям: возлюбленной и директора.

– Можно мне ее забрать? – спросил Ван Дун, указывая на простынь.

– Ни за что в жизни! Маленький придурок! – Саманта бросила простыни в свой пространственный кристалл.

– Следите за словами, директор, – ухмыльнулся Ван Дун.

– Ну мелкий говнюк, ты сам напросился! – Саманта запрыгнула на кровать, и они катались по ней, пока Ван Дун снова не оказался сверху.

– Прекрати, я умираю с голоду, больше никаких забав!

– Хорошо, если признаешь, что дома я директор, и ты будешь подчиняться мне в постели.

– Ладно, хорошо! В постели ты главный, – неохотно сказала Саманта, посмотрев на Ван Дуна суровым взглядом.

После сытного завтрака Ван Дун отправился в аэропорт, а Саманта ждала следующего вылета для того, чтобы не вызвать подозрений. Хотя в их отношениях не было ничего незаконного, все равно на них обоих могут из-за этого давить.

Саманта сидела у окна, наблюдая за удаляющейся фигурой Ван Дуна; легкая улыбка опустилась на ее губы. Как и любая другая девушка, Саманта мечтала о прекрасном принце на белом коне, и до этого не встречала никого подходящего.

В ней поднялась сладкая истома. Саманта знала, с этим принцем на белом коне ее ждет ухабистая поездка.

http://tl.rulate.ru/book/7118/234411